

А.П. БУТЕНКО

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И XX СТОЛЕТИЕ

(эскиз новой концепции)

В условиях, когда крушение сталинской «формационной пятичленки» было отождествлено с крушением Марксовской философии истории и начался у нас глубокий кризис методологии истории, когда не прекращаются дискуссии о сути и преимуществах формационного и цивилизационного подходов к истории, самое время поделиться своими размышлениями над проблемами периодизации истории. С большой долей истины могу утверждать, что для меня новое в периодизации исторического процесса — это во многом хорошо забытое старое. Классическая политическая экономия XVIII и XIX вв. предложила свою историческую парадигму, позволяющую, как мне кажется, не только преодолеть те трудности, о которых не переставая твердят все историки, но и объяснить, как, коренные просчеты канувшего в Лету «реального социализма», так и сегодняшние глупости апологетов рыночной экономики, изображающих ее теперь вечной, внеисторичной, в то время, когда, как пишут ныне многие американские экономисты и историки, их рыночная экономика быстро приближается к своему концу, хотя ее агония может длиться и более столетия. О чем идет речь?

Суть предлагаемой философии истории

Философия истории, о которой я здесь пишу, исходит из того, что самым глубоким основанием периодизации истории или единым основанием деления исторического процесса, т.е. основанием разделения ее на качественно отличающиеся полосы, является размер имеющегося общественного богатства и то, *где* и *как* оно создается? Именно этот вопрос вызывал споры, разделял разные экономические школы, волновал теоретиков и практиков. Если брать по-крупному, то разнокачественность весьма отличающихся и длительных полос истории обнаруживается в том, что сначала *природа*, а затем *труд* в его непосредственной

форме, а значительно позже *разум* в виде *науки* как непосредственной производительной силы выступают в роли главных, доминирующих источников созидания общественных богатств, рост которых — основа прогресса. Маркс и Энгельс не только приняли, но и развили эту *философию истории*.

Эта концепция исходит из того, что общественный прогресс (как и регресс) — объективная реальность, имеющая свои материальные первопричины, как и свои критерии. Однако сплошь и рядом раскрытие этих первопричин подменяют сбором свидетельских показаний. Подчеркивая справедливость идеи общественного прогресса, «обосновывают» этот тезис ссылками на историю, которая «говорит» о неуклонном развитии производительных сил, о смене общественных формаций, о прогрессе свободы и т.д. Разумеется, подобные факты свидетельствуют о наличии общественного прогресса, но они не доказывают его неизбежность, не раскрывают его объективного механизма, его истоков. Сама по себе человеческая история никогда не «решала» — развивать или не развивать производительные силы людей, не «испытывала желания» совершать социальные революции, не «выдвигала целью» — расширять человеческую свободу. История по самому своему существу не может «решать», «говорить», «желать», не способна «преследовать цель», ибо она — не живое существо, а лишь результат действия миллионов людей, имеющих свои особые стремления, несовпадающие потребности и желания и неодинаковые цели.

Ключ к решению проблемы первопричин общественного прогресса лежит не там, где чаще его ищут: его можно найти, идя по пути анализа не тех или иных конкретных потребностей, движущих поступками людей, а обращаясь к самой природе человеческих потребностей. Дело в том, что человек как биологическое и социальное существо принципиально отличается от животных именно безграничностью своих потребностей и способностью к их расширению. В этой природе человеческих потребностей, непрерывно расширяющихся по мере своего удовлетворения и тем самым толкающих людей, все человечество к

развитию и совершенствованию разнообразных средств удовлетворения безгранично возрастающих потребностей, и заключается действительное обоснование общественного прогресса, его первопричина, его необходимость и неизбежность.

От природы к труду, от натурального к рыночному хозяйству

Естественная история подтверждает, что для животных предков человека вовсе не *труд*, а *природа* являлась и кладовой средств существования, и главной ареной жизнедеятельности, и окружающей средой, изменение которой изменяет мир живых существ. Именно в рамках этой полосы естественноисторического развития происходило само становление *человека* и *человеческого общества*, стимулируемое исключительно благоприятными *природными* условиями, складывавшимися в тех или иных частях ойкумены. Переломным рубежом в этой полосе развития, завершающим происходивший перелом, стала *неолитическая революция*, утверждение *труда* в качестве главного источника общественного богатства, а вместе с тем переход от более связанного с *природой присваивающего хозяйства* к более независимому от нее *производящему хозяйству*.

В рамках этого растянутого перелома совершилось вступление в качественно новую и длительную историческую полосу, основа которой *труд* в непосредственной форме, т.е. расходование физиологических, физических и умственных сил человека в процессе созидания необходимых средств. Естественно, что и сам рассматриваемый *труд*, сохраняя непосредственную форму, не оставался одним и тем же. Если первоначально физические и умственные силы сопряжены воедино, то позже обнаруживается, что физические действия рук, пальцев, ног, туловища, обретая определенные навыки, становятся более удачливыми и результативными. Развиваются умственные силы: человек придумывает определенные приспособления, облегчающие *труд*, обретает опыт, а вместе с ним знания, все более оказывающиеся новой мощной силой производства.

Еще один качественный перелом — возникновение рынка, рыночной экономики. Она не явилась как Афина из головы Зевса, вдруг сменив прежнее хозяйство: ей предшествовал обязательный обмен дарами¹. Элементы рыночной экономики формировались по мере того, как *труд*, используя *природу*, ее естественно-географические и климатические особенности и все больше становясь главным источником богатства, изменялся сам. Разделение *труда*, его специализация и обмен результатами трудовой деятельности становились все более необходимыми для общества, продукты *труда* все больше обменивались, превращались в товары, а сам рынок превращался в необходимую форму обмена продуктами *труда*.

Сегодня распространено, а местами господствует ошибочное мнение, согласно которому *рыночная экономика*, *товарное производство* существуют там, где есть хотя бы: а) две формы собственности; б) обособленные предприятия; в) частная собственность и индивидуальные производители². Однако на деле *товарное производство*, *рыночная экономика* как *таковые* имеют место там и тогда, где и когда существует *возможность и необходимость* учитывать соответствие между *количеством* затрачиваемого общественно необходимого абстрактного труда (живого и мертвого) и *количеством* создаваемого этим *трудом* общественного богатства. Такая возможность и необходимость налицо только при определенном уровне производительных сил и конкретном характере связанного с ними *труда*, т.е. при обладании в обществе *труда* в его непосредственной форме, где производитель является главным агентом производства, а богатство страны и граждан зависит от качества и количества такого *труда*. Из-за этого, во-первых, *труд* в его непосредственной форме — мерило стоимости товаров и накопленных обществом богатств. Во-вторых, ограниченный размер получаемых таким путем общественных благ требует строгого учета не только ко-

¹ Мосс М. Опыт о даре. Форма обмена в архаических обществах. Париж, 1925.

² Это — рудимент сталинизма. См.: Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

личества, но и качества труда каждого, требует на этой основе материального стимулирования *труда*, что и обеспечивается законами рынка. *Рыночная экономика* — собирательное понятие, охватывающее собой разнотипные способы производства и обмена, везде у нее свое место.

Один из центральных вопросов рыночной экономики — вопрос об ее исторических границах. Конечно, для либералов, верящих в непреходящую ценность и вечность рыночной экономики, такой вопрос кажется чуть ли не кощунственным. В противоположность им для сталинистов этот вопрос представляется давно и бесповоротно решенным: ведь, считают они, уже К. Марксом было доказано, что рыночная экономика кончается вместе с частной собственностью и капитализмом, что уже «истинный» социализм основывается на безрыночной экономике, не знает стоимостных измерений и товарно-денежных отношений, а значит, и рынка. Придется разочаровать как истых либералов, верящих в вечность рыночной экономики, так и тех, кто внедренный еще в 30-е годы сталинский «марксизм-ленинизм» принимает за действительные взгляды Маркса и Ленина, а потому продолжает отвергать рынок при социализме, не соглашается с рыночным социализмом. Суть же дела в том, что рыночная экономика — одна из исторических форм хозяйствования, существующая там и тогда, где и когда есть необходимые условия, и сходящая с исторической сцены, когда исчезают эти условия.

Ход истории на фундаменте совершенствования *труда*

Действительная человеческая история — еще не писанная, но уже творимая не *природой*, а самим *человеком*, начинается там и тогда, где и когда сапиентный предок человека благодаря своему *труду* обретает *сознание* и превращается в *homo sapiens*, когда в силу происшедших перемен уже можно говорить о наличии *человека* и *человеческого общества*.

Само же развитие человечества (человеческого общества), взятое в самом широком плане, представляет собой естествен-

ноисторический процесс (естественный и исторический, биологический и социальный), имеющий свои качественно отличающиеся полосы и переломные рубежи, а также характерные для них противоречия. Этот процесс начинается в рамках естественной необходимости и продолжается с определенного рубежа как историческая необходимость. По мере развертывания этого перелома видоизменяется и само содержание общественного прогресса, меняются его ведущие, доминирующие противоречия. Что имеется в виду?

Очевидно, что развитие человечества как определенным образом организованной общности людей для поддержания своего существования должно постоянно разрешать противоречие между человеком и природой, обеспечивая тем самым регулярный обмен веществ, необходимый человеку в постоянно изменяющейся — в связи с ростом потребностей — форме. Но решить эту задачу человечество не может иначе, как изменяя процесс производства, характер и содержание *труда*, что предполагает возникновение и разрешение противоречий как между человеком и обществом, так и между отдельными индивидами и социальными группами. Такова общая логика развития. Каковы его конкретные этапы?

Эволюция в рамках естественной необходимости при неантагонистических противоречиях была первым историческим этапом естественноисторического прогресса человечества. Естественная необходимость всегда связана с удовлетворением потребностей, обусловленных биологической природой человека. Первый перелом в рамках этого этапа — выделение человека как биологического существа из мира животных благодаря *труду*, этому первому историческому делу.

Развитие в рамках естественной необходимости при антагонистических противоречиях стало следующим историческим этапом естественноисторической эволюции человечества. Каким бы медленным не было развитие исходного производства, совершенствование *труда* в благоприятных условиях, на определенном рубеже длительного развития производительных сил

коллективного человека приводит к появлению *прибавочного продукта*, т.е. излишка над тем, что было совершенно необходимо для поддержания физического существования — и это само по себе уже было огромным завоеванием. Сам этот прибавочный продукт обретает возможность и действительно накапливается в частных руках как *частная собственность*, а когда он начинает накапливаться в виде средств труда, средств производства, то становится катализатором общественного прогресса, ибо, породив *эксплуатацию человека человеком*, расколов общество на *классы*, он тем самым не только еще крепче приковал трудящиеся массы к материальному производству, вынуждая их во имя прибавочной стоимости, выжимаемой *эксплуаторами*, работать еще интенсивнее, но и предоставил возможность пусть небольшой горстке избранных заниматься управлением, *духовным производством*, развивать *науку* и *искусство*, столь важные для преодоления застойных фаз производства.

До тех пор пока человечество не развило свои производительные силы настолько, чтобы в достатке обеспечить всех необходимыми жизненными средствами, *труд*, *материальное производство* остаются главной сферой жизнедеятельности человечества, отнимая у него, у его трудящегося большинства, у производителей материальных благ львиную долю имеющегося времени, лишая тем самым их возможности для сколько-нибудь гармоничного развития своих личностных сил. Вместе с тем само материальное производство, развиваясь в рамках противоположности между эксплуататорами и эксплуатируемыми, в ходе борьбы за «свое» человеческое существование для *эксплуаторов* служит ареной обогащения и утверждения своего господства, средством своей иллюзорной эмансипации; в то время как для эксплуатируемых оно выступает наподобие некоего рока, низводящего их до положения выдрессированной природной силы, лишенной всех иных, кроме *трудовых*, функций.

Поэтому на протяжении всей этой исторической полосы — но отнюдь не всегда — общественный прогресс имеет своей основой, своей главной ареной и своим главным показателем про-

гресс материального производства, развитие производительных сил, повышение производительности *труда*; к их развитию прикованы все усилия человечества, а перевороты в способах материального производства являются одновременно переворотами в укладе жизни всего общества, всех его сфер, и сама смена способов производства и формаций — здесь, но не всегда — показатель общественного прогресса.

XX век: от *труда* к *разуму* (*науке*) как главному создателю общественных богатств

Обществоведение XIX столетия, рассматривая ход истории, пришло к выводу, что в жизни человечества назревает глубочайший перелом. Суть этого перелома состоит в преодолении того состояния, которое сохранялось на протяжении всех предшествующих общественно-экономических устройств, когда относительно невысокий уровень развития производительных сил делал развитие человеческого общества столь зависимым от материального производства, что всякий раз целью общественного развития (в каких бы социальных формах оно ни осуществлялось) оставалось развитие самого материального производства, его овеществленных производительных сил. Но мощный скачок в развитии производства, обеспеченный капитализмом, изменил ситуацию: в результате развития производительных сил, создаваемых в рамках капитализма, стало возможным осуществить переход к качественно новой полосе истории, когда общество уже не испытывает прежней зависимости от материального производства и соответственно целью прогресса может быть не развитие материального производства для умножения капитала, т.е. овеществленного мертвого труда, а «производство основного капитала, причем этим основным капиталом является сам человек»³, развитие его собственных физических и духовных сил. Иначе говоря, с этого рубежа в результате этого перелома меняется общий характер человеческого прогресса⁴.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч.Н. С.221.

⁴ См.: Бутенко А.П. Послесловие // Ирибаджакон Н. Развитое социалистическое общество. М., 1974. С. 388-389.

Этот исторический перелом может произойти и обязательно произойдет не по чьей-то воле, а в силу естественноисторического развития общества, из-за назревающего скачка в материальном производстве, в самой сути созидания общественного богатства и его размерах. Смысл этого назревающего скачка, качественного перелома в переходе от *труда* к *разуму* (науке) как главному источнику общественных богатств.

На основе этого материального ядра приближающегося перелома (или скачка) — это понимали уже в XIX в. — считались неизбежными и другие качественные перемены: начнется «снятие» частной собственности и связанных с ней эксплуатации и угнетения человека человеком, обнаружится неизбежный закат рыночной экономики, ибо начнут исчезать объективные условия и первопричины ее существования, выявится невозможность с помощью рынка и стоимостных измерений регулировать функционирование производства, все очевиднее будет то, что качественно изменится весь ход общественных перемен, а вместе с этим станет неизбежным и изменение самого критерия общественного прогресса.

Эти объективные тенденции в изменении хода истории, переведенные К. Марксом и Ф. Энгельсом на политический язык, в своих важнейших социальных аспектах и общественно-экономических результатах были ими изложены в «Манифесте Коммунистической партии», «Критике Готской программы», «Капитале» и других широко известных работах классического марксизма. В них намечались пути учета и использования складывающейся ситуации в интересах рабочего класса, трудящегося большинства. Что же касается более глубокого теоретического обоснования политических прогнозов и социально-экономических выводов, то они, наиболее полно изложенные в «Экономических рукописях» К. Маркса, тогда не были широко известны революционным лидерам и общественности.

Однако главные генеральные направления развертывания приближающегося перелома были изложены в «Капитале»: они опирались на процессы, уже обозначившиеся в развитии то-

гдашнего капитализма, а их последствия становились особенно зримыми, если взглянуть на сам капитализм исторически, сравнивая, сопоставляя его основные ступени или фазы, улавливая смысл все более очевидных перемен. О чем идет речь?

Первоначально, на первой фазе, когда машинное производство только становится фундаментом общественной жизни, из-за невысокого развития средств труда процесс производства совершается таким образом, что рабочий, трудящийся помещает в качестве промежуточного звена между собой и объектом модифицированный предмет природы; сам же рабочий является главным агентом процесса производства, причем его *труд* в непосредственной форме включен в процесс производства и от массы непосредственного рабочего времени, затрачиваемого в процессе такого *труда*, зависит величина, а соответственно и стоимость создаваемых общественных благ, общественного богатства.

Позже, на следующей фазе, при значительно более высоком развитии машинного производства, с широким внедрением в производство достижений *науки* и *техники* (сейчас можно говорить, на более высоких ступенях *научно-технической* революции) положение изменяется. Благодаря развитию средств *труда*, когда определенный способ *труда* прямо оказывается перенесенным с рабочего на капитал в форме машины, процесс *труда* совершается таким образом, что теперь в качестве промежуточного звена между собой и неорганической *природой*, которой рабочий овладевает, он помещает природный процесс, преобразуемый им в промышленный процесс. К чему это ведет? «... По мере развития крупной промышленности, — писал К. Маркс, — созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного *труда*, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее от общего уровня *науки* и от

прогресса техники, или от применения этой науки к производству»⁵. Именно в этой связи капитализм рассматривали как «последнюю ступень развития *стоимостного отношения* и основанного на стоимости производства»⁶.

Вот здесь и наступает качественный перелом: человек — уже не главный агент производства, а его контролер и регулировщик. Изменяется и характер созидания богатства: теперь уже не рабочее время и количество *труда* в непосредственной форме, а обусловленная развитием *науки* мощь тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени, определяет создание действительного богатства. Очевидно, что подобно тому как раньше *труд*, становясь рядом с *природой*, используя и изменяя ее, постепенно превращался в главный источник общественного богатства, так теперь *разум* (*наука* как непосредственная производительная сила), становясь рядом с *трудом* и преобразуя его, постепенно превращается в главного созидателя общественного богатства.

Когда пришел XX в., обнаружилось: развитие материального производства в разных странах и целых регионах — неодинаково и совершается неравномерно, причем степень близости капитализма к рассматриваемому перелому везде своя, и она вовсе не совпадает с остротой тех социальных антагонизмов и противоречий, которые делают сохранение эксплуататорского общества уже невозможным. В начале XX в. именно Россия, невысоко развитая страна Европы, оказалась средоточием конфликтов, страной революционных взрывов. Когда в Октябре 1917 г. победила рабоче-крестьянская революция, и перед властью встал вопрос реализации обещанного, здесь резко разошлось то, чему учил широко известный марксизм — устранять частную собственность и рынок, создавать бестоварный социализм, и то, что диктовала ситуация: увязать социалистический идеал с еще длительным сохранением рынка, рыночной экономики.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II, С.213.

⁶ Там же.

К. Маркс предвидел нечто подобное: выступая за мировую коммунистическую революцию, он, видимо, понимал возможность того, что в ряде государств на момент переворота окажется необходимым сохранить рыночную экономику («зряшное отрицание» отвергалось). Вероятно, для таких условий и обстоятельств, учитывая важность стоимостных измерений для пропорционального развития производства, К. Маркс писал, что «по уничтожению капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение труда между различными группами производств, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было»⁷.

Очевидно, что положение, согласно которому после уничтожения капитализма «определение стоимости остается господствующим», противоречит тезису, трактующему капитализм как «последнюю ступень развития стоимостного отношения и основанного на стоимости производства»⁸. Оба эти положения принадлежат К. Марксу. Думаю, что для объяснения этого противоречия надо учитывать следующее: эти, казалось бы, взаимоисключающие положения совместимы, если признать, что тезис о капитализме как последней ступени развития стоимостного отношения и вытекающая из него концепция бестоварного рыночного социализма выражает общую, генеральную линию естественноисторического развития капитализма до своих высших ступеней, исчерпывающих возможности рыночной экономики, и его преобразования в нерыночный социализм, а тезис об общественном производстве, где определение стоимости остается господствующим, относится к тем особым формам общественного производства, которые возникают и складываются там, где еще не исчерпаны возможности рыночной экономики и необходим рыночный социализм.

⁷ Там же. Т.25. Ч. II. С.421.

⁸ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 212-213.

Ход российской истории был таким, что сразу после Октября страна оказалась у первой развилки: *или* идти к рыночному социализму, *или* устранять частную собственность и рыночную экономику? В условиях начавшейся гражданской войны, подавшись энтузиазму масс, совершивших Октябрь и жаждавших новой жизни, Ленин и его сторонники отошли от ранее разработанной осмотрительной политики: завершив задачи демократической революции, с помощью рыночной экономики и госкапитализма создать цивилизационные предпосылки для будущего перехода к социализму. «Теоретическая ошибка правящей партии, — писал Л. Троцкий в 1936 г., — останется, однако, совершенно необъяснимой, если оставить без внимания, что все тогдашние расчеты строились на ожидании близкой победы революции на Западе. Считалось само собой разумеющимся, что победоносный немецкий пролетариат, в кредит под будущие продукты питания и сырье, будет снабжать советскую Россию не только машинами, готовыми фабричными изделиями, но и десятками тысяч квалифицированных рабочих, техников и организаторов. И, нет сомнения, если б пролетарская революция восторжествовала в Германии, — а ее победе помешала только и исключительно социал-демократия, — экономическое развитие Советского Союза, как и Германии, пошло бы вперед столь гигантскими шагами, что судьба Европы и мира сложилась бы к сегодняшнему дню неизмеримо более благоприятно»⁹.

Если же говорить о первых послеоктябрьских шагах Советской власти, то, допустив применением политики «военного коммунизма» и «кавалерийской атаки на капитал» грубейшую ошибку непосредственного перехода к социализму, насильственного «введения социализма» велениями государства в крестьянской стране, власти поставили страну перед катастрофой, о чем свидетельствовали кронштадтские события 1921 г. Их результатом стало мучительное переосмысление неудавшегося опыта «военного коммунизма» и поворот к НЭПу, т.е. фактиче-

⁹ Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 22-23.

ски к рыночному социализму. Однако возврат к рыночной экономике (НЭПу), быстро поднявшей экономику России, был недолгим. Осуществив этот поворот, В. Ленин в 1924 г. ушел из жизни. Начался постепенный, но принципиальный сдвиг в теории и практике от Ленина к Сталину, от успехов и неудач социалистического строительства к бездорожью сталинского казарменного псевдосоциализма. Найденный с помощью НЭПа путь преодоления *исторического забега* был заменен сталинской схемой «построения социализма любой ценой», посредством насильственного устранения неизжитых социально-экономических форм и утверждения сталинского тоталитаризма в СССР и за его рубежами. Этот выход на бездорожье вел к неизбежному фиаско этого псевдосоциалистического общества.

XX век: закат рыночной экономики или конец истории (Гегель, Маркс и Фукуяма)?

Надежды Маркса и Энгельса на то, что уже в XIX в. будут налицо условия для исчерпания возможностей рыночной экономики и капитализма, что социальная революция рабочего класса, осуществляя освобождение *труда*, вот-вот приведет к утверждению бестоварного нерыночного социализма и коммунизма, не соответствовали уровню развития производительных сил и тем возможностям их дальнейшего прогресса, которыми еще располагал капитализм. Еще в большей мере не соответствовали реальным условиям утопические надежды осуществить идеалы бестоварного, нерыночного социализма в Советском Союзе на фундаменте тогдашнего уровня его производительных сил.

Поэтому на протяжении почти всего XX в. капитализм, развиваясь как рыночное хозяйство, идя через кризисы и конфликты, осуществлял естественноисторическое продвижение к перелому, связанному с переходом решающей роли в созидании общественного богатства от *труда* к *разуму (науке)*, а советское общество и созданные по его подобию другие устройства, выдаваемые за социалистические, устранив единственно возможные

и необходимые на этом уровне производства рыночные механизмы роста и связанное с ними адекватное стимулирование *труда* как главного созидателя общественного богатства, были обречены своими экспериментами на все обостряющиеся противоречия и упадок.

Здесь уместно напомнить, что Маркс предполагал, что гибель капитализма в силу его внутренних антагонизмов и исчерпание возможностей рыночной экономики из-за превращения *науки* в непосредственную производительную силу, главный двигатель общественного прогресса и главный создатель общественного богатства — совпадут по времени. Именно поэтому социализм рисовался как нерыночное бестоварное хозяйство. Но жизнь не подтвердила это предположение: капитализм стал рушиться раньше, чем исчерпала себя рыночная экономика.

Вовсе не утопизм социализма, о чем постоянно твердят прилипшие к микрофонам и телекамерам официальные демократы, а *историческое забегание* в продвижении к нему *России*, где не было ни объективных, ни субъективных предпосылок для «введения социализма» (о чем на протяжении всего 1917 г. говорил и писал Ленин), стало исходным пунктом драматического послеоктябрьского развития революционных сил в XX в. Беды нашей истории не опровергли, а подтвердили марксизм, мысли Маркса и Энгельса о том, что любая страна, где частная собственность и рынок не изживают себя, а насильственно и преждевременно упраздняются, вовсе не встает на путь к социализму, а уходит от него, оказывается на бездорожье, превращается в пленницу «казарменного коммунизма», где внешние атрибуты социализма сочетаются с повсеместным отрицанием личности человека¹⁰. Это административно организованное устройство общества несет новые — государственно-бюрократические — формы эксплуатации и гнета, низводящие личность до выдрессированной рабочей силы, «винтика» бюрократической машины. Подобный псевдосоциализм обречен! Он должен был пасть

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С.114.

и пал во всех европейских странах «реального социализма», не сумевших вовремя восстановить еще не изжитую рыночную экономику, ее принципы хозяйствования и столь необходимые здесь механизмы устойчивого экономического роста и соответствующие политические структуры.

Поэтому на протяжении всего XX столетия, когда осуществлялось «соревнование социализма и капитализма» — это было состязание с predetermined исходом, состязание, ускорявшее развитие производительных сил капитализма, подстегивавшее его к адекватным условиям реформированию, и вместе с тем все отчетливее обнажавшее суть избранного еще И. Сталиным «исторического бездорожья», ведшего к неизбежному краху. И тем не менее конкретное развитие этого состязания поучительно!

Поучительность этого весьма странного «состязания» заключалась, в частности, в том, что как одно, так и другое общественные устройства были обречены, так как их дальнейшее функционирование не обеспечивало уже возможного и необходимого общественного прогресса, но эта обреченность тут и там была неодинаковой. Если капитализм шел к своему закату из-за естественноисторического исчерпания еще имевшихся возможностей своей экономической основы — рыночной экономики, то в отличие от этого общественное устройство, называвшее себя социализмом, было обречено на фиаско совсем по другой причине — из-за исторического забегания, когда преждевременное и насильственное упразднение рынка, рыночной экономики, еще не изжитой здесь, лишило это общественное устройство адекватной экономической основы, содержащей необходимые механизмы поступательного развития.

Весь XX в. заполнен многочисленными странностями этого «предсмертного состязания», когда естественно умирающий, уже отживший строй пытается «омолодиться», успешно заимствуя у будущего кое-какие механизмы (социальную политику, государственное регулирование экономики и т.п.), а только возникающее в муках преждевременных родов общественное

устройство оздоравливает и укрепляет себя, периодически возвращаясь к механизмам и принципам столь непродуманно оставленного и разрушенного прошлого. Можно не сомневаться в том, что не только сегодняшние, но и будущие историки будут не без удивления констатировать многие парадоксы этого «предсмертного состязания», находя его проявления всюду, начиная с экономики и кончая самыми абстрактными идеологиями.

Здесь была и позорная апологетика избранного бездорожья и мужественные попытки честных ученых поставить в подцензурном обществоведении насущные проблемы настоящего и будущего развития стран «реального социализма», его конфликтов и противоречий, деформаций и кризисов того «социалистического мира», крушение которого в конце XX в. потрясло человечество.

Особенно категорическим выводом из событий конца XX в. стал вывод о наступающем *конце истории*, сделанный не журналистом, а известным исследователем Фрэнсисом Фукуяма. Суть его вывода такова: «То, чему мы, вероятно, являемся свидетелями, не означает просто конец холодной войны или завершение конкретного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, т.е. конечную точку идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как последней формы управления в человеческом обществе... Существуют серьезные причины считать, что это идеал, который в перспективе будет править материальным миром»¹¹.

Будучи откровенным апологетом западного либерализма-капитализма, Ф. Фукуяма не считает себя оригинальным в признании такой философии истории и ее исхода. «Представление о конце истории, — утверждает Фукуяма, — не является оригинальным. Наиболее известным его пропагандистом был Карл Маркс, который полагал, что ход исторического развития является целенаправленным, определяется взаимодействием матери-

¹¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Общественная мысль за рубежом. М, 1990. № 9. С.32.

альных сил и завершится лишь с достижением коммунистической утопии, что окончательно разрешит все существующие противоречия. Однако концепция истории как диалектического процесса с началом, серединой и концом была заимствована Марксом у его великого немецкого предшественника Георга Вильгельма Фридриха Гегеля»¹².

Здесь нет надобности спорить о предложенном толковании Гегеля. Что же касается Маркса, то очевидно, что Фукуяма воспринимает его через призму «сталинской пятичленки», позволяющей так изображать Маркса. Однако в действительности Маркс никогда не стоял на позициях «конца истории»; хотя и считал, что коммунизм — последняя общественно-экономическая формация. Как же так? А так: до тех пор, пока *труд* в его непосредственной форме является и остается главным источником общественного богатства, перевороты в *труде*, в *способе производства*, а соответственно — смена общественно-экономических формаций — основной показатель прогресса, основа периодизации истории. Но как только *труд* уступает эту свою доминирующую роль *науке* как непосредственной производительной силе, история вовсе не заканчивается, отнюдь не наступает «конец истории», как утверждает Ф. Фукуяма. Нет! История становится уже *качественно* иной: ее прогресс и ее периодизация уже связаны не с переворотами в *труде*, в *способе производства*, а с рубежами развития *науки*. Кстати, это и есть перелом в переходе от индустриального общества к постиндустриальному (технотронному, информационному и т.п.) обществу, конца рыночной экономики со всеми его общественными последствиями.

Поскольку в силу обстоятельств человечество XX в. оказалось разделенным на два русла общественного прогресса: одно — это так называемый «западный мир», представленный в первую очередь современным капитализмом, а второе — социалистический (Китай, Вьетнам и др.) и посткоммунистический

¹² Там же. С.33.

(Россия, страны СНГ, Восточная Европа), пытающиеся поставить себе на службу рынок, рыночную экономику («западный мир» — мир успешно развивающейся рыночной экономики и плюралистической демократии), то будет правильно рассмотреть ход истории, его перспективы в каждом из этих регионов и под предлагаемым здесь углом зрения — перехода к *науке* как непосредственной производительной силе. Естественно, что первым столкнулся с комплексом возникающих здесь проблем более развитый, наиболее «продвинутый» по пути умножения и качественного изменения производительных сил «западный мир», представленный нынешним капитализмом.

Капитализм и закат рыночной экономики. Разумеется, возникающие реальные проблемы не сразу адекватно осознаются обществом. Однако вскоре после мировой войны философы, историки и экономисты дружно заговорили о вступлении общества в новую, постиндустриальную эпоху. 40 лет назад книга Алви Тоффлера «Столкновение с будущим» потрясла современников тем, что прекрасно выразила тревожное ожидание уже наступающего чего-то нового. Появились различные школы постиндустриализма, поскольку «мало кто верил, что дальнейший прогресс означает продолжение промышленного развития»¹³. Обществоведение заполнил целый веер концепций грядущего общества как общества «информационного» (А. Тоффлер), «технотронного» (З. Бжезинский), «научно-рационалистического» (Ю. Хабермас), «технико-информационного» (Дж. Мартин, Т. Сувер) и т.д.

Но при всем обилии названий авторы чаще всего избегали содержательной характеристики новой эры, ее сути. Видимо, они не понимали или не замечали того, что основная причина, определившая наступление новой эры цивилизации — изменение главного источника созидания общественного богатства: переход этой роли от *труда* в его непосредственной форме к *разуму*, к *науке* как непосредственной производительной силе.

¹³ *Kunar K. Progress und Industrialism. Berlin, 1959.*

Пожалуй, было только два ученых, уловивших и осознавших суть идущего перелома. Одним из них был А. Тойнби, который назвал происходящее «эфиреализацией», когда производится все больше и все с меньшими затратами. Другим был советский ученый венгерского происхождения Е. Варга, сформулировавший свой знаменитый парадокс («парадокс Варги»), согласно которому сумма цен фактически становится выше суммы стоимостей, даже если сохраняется золотая валюта¹⁴. Думаю, что этот парадокс разумно объясним только с позиций того перелома, который вносит в развитие общественного производства смена *труда разумом* (*наукой* как непосредственной производительной силой) в качестве главного созидателя общественного богатства. Как раз этот перелом в самих объективных основах экономики существенным образом активизировал практиков и теоретиков¹⁵. Но особенно важно: он стимулировал поиски концепций, способных прийти на смену трудовой теории стоимости¹⁶.

Следует напомнить, что все перечисленные перемены на практике и в теории начинались под воздействием перелома, уже начавшегося, но еще не достигшего своего поворотного пункта, а потому посылавшего в общество лишь свои первые импульсы, еще не позволявшие осознать его последствия в полной мере. Ведь перелом мог изменить все стороны общественной жизни, привести к тому, чтобы действительно наступил «конец истории», но не в духе Фрэнсиса Фукуямы, а как конец либерализма и постоянно благословляемой им рыночной экономики.

¹⁴ См.: Варга Е. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1965. С. 190.

¹⁵ Какие меры предпринимались практиками «западного общества», чтобы сохранить прежние способы получения прибыли, см.: Бутенко А. Современный социализм // Вопросы теории М., 1989. С. 176-177, 194-196. Если же говорить о теории, то правильно уловленный перелом от индустриализма к постиндустриализму стал началом концепции, видящей в истории традиционное общество, индустриальное и постиндустриальное.

¹⁶ В частности, теорию предельной полезности разрабатывали Л. В. Канторович и В. В. Новожилов.

Если книгу А. Тоффлера «Столкновение с будущим» можно рассматривать как первый звонок рыночной экономике, поскольку индустриализм — ее наиболее адекватный фундамент, то следующий звонок не заставил себя долго ждать. Он прозвучал тогда, когда мир, называвший себя социалистическим, в наиболее развитых странах стал тоже приближаться к черте исчерпания индустриализма. Это был труд коллектива чехословацких ученых, возглавляемых Радованом Рихтой, имевший название: «Цивилизация на распутье. Взаимосвязи научно-технической революции с обществом и человеком». Будучи посвященной всемирно-историческому переходу человечества от *труда* к *науке* как главному созидателю общественного богатства, этот переход в книге воспринимался авторами так: «Научно-техническая революция, имеющая характер объективного, всемирного и универсального процесса, исторически закономерно приводит к утверждению на земле коммунистического общества. Переход этот совершается не стихийно, не механически, а диалектически. Нет силы в мире, которая могла бы остановить неумолимый ход научно-технической революции со всеми обусловленными ею социальными и политическими последствиями. Роковой вопрос, однако, состоит в том, сумеет ли человечество найти мирные пути разрешения катастрофически опасных противоречий своего нынешнего развития или оно погибнет, упустив момент, когда еще можно направить урегулирование конфликтов по разумному руслу»¹⁷.

Однако даже под колпаком этих опасностей жизнь шла вперед: развитие производительных сил шаг за шагом меняло ситуацию в predetermined направлении: *труд* все больше уступал место *науке* как непосредственной производительной силе, обостряя связанные с этим проблемы.

В 1995 г. раздался новый звонок, возвещающий о закате рыночной экономики; он прозвучал в Соединенных Штатах. Там

¹⁷ Civilizace na rozcesti. Praga, 1969. S.3.

вышла книга Ильи Ставинского «Капитализм сегодня и капитализм завтра»¹⁸. Билл Клинтон поблагодарил автора за труд, предлагающий усиливать социальную политику. Но суть в другом. Автор называет капитализм «самой передовой экономической системой», но считает, что в ее недрах зреет ее самоотрицание. Согласно автору уже сегодня из-за роботизации и автоматизации «самая передовая экономическая система» все больше запутывается в неразрешимых противоречиях, единственный выход из которых автор видит в замене частного капитала общественным капиталом и государственным управлением, поскольку «невидимая рука» рынка, т.е. законы капиталистической рыночной экономики уже сегодня не справляются со своими регулирующими задачами и уж наверняка окажутся беспомощными завтра¹⁹.

И. Ставинский предлагает «взглянуть за горизонт» и считает, что из-за дальнейшего внедрения в производство *науки* как непосредственной производительной силы, из-за прогресса роботизации и автоматизации производительность грозит возрасти в 30-40 раз, что создаст избыток товаров и выбросит на улицы новые миллионы сегодняшних трудящихся, тем самым резко сократив емкость внутреннего рынка. Этот звенящий колокол опасности, считает И. Ставинский, потребует от общества уже не «невидимой руки» рынка в качестве регулятора (рыночные механизмы уже сегодня показывают свои ограниченные возможности), а общественно-сознательного централизованно-государственного руководства всем национальным производством.

Прочитав об этом, корреспондент «Литературной газеты» задал И. Ставинскому вопрос: что же получается — мы идем к капитализму, а вы — Запад — к социализму? На это экономист

¹⁸ Ставинский И. Капитализм сегодня и капитализм завтра. Нью-Йорк,

¹⁹ Известный американский историк Пол Кеннеди, автор бестселлера «Подготовка к XXI столетию», тоже считает, что автоматизация и роботизация равнозначны промышленной революции, потрясшей мир в XVIII в., но сегодня социальные последствия будут много серьезнее.

ответил в том духе, что дуракам закон не писан! И тогда наш обескураженный корреспондент, стремясь как-то уязвить И. Ставинского, снова спросил: не добивается ли И. Ставинский создания в США Госплана? Собеседник ответил: «Госплан пытался планировать все производство через денежные фонды, отпускаемые каждому предприятию. Госплан приветствовал стоимостное перевыполнение плана, которое нередко выливалось в производство товаров, не удовлетворявших запросы общества или попросту ему не нужных. Общественный капитал (который, по мнению И. Ставинского, должен заменить частный капитал) планирует производство предметов потребления и средств труда не в стоимостной, а натуральной форме»²⁰. Почему? В чем суть дела?

На нынешней фазе уже постиндустриального развития капитализма, на сегодняшней ступени развития научно-технической революции и внедрения ее достижений в машинное производство положение в сфере производства и обмена таково. Благодаря дальнейшему развитию средств труда, роботизации и автоматизации производства, когда не только определенный способ труда оказывается перенесенным с рабочего на капитал в форме машины, но когда уже и часть функций человека как регулятора и контролера роботизированного производства тоже оказывается перенесенной на кибернетические устройства, процесс созидания общественного богатства складывается так, что он оказывается еще менее зависимым и от рабочего времени, и от количества затрачиваемого человеком труда и в еще большей мере, чем раньше, оказывается определяемым: во-первых, мощностью тех агентов, которые приводятся в движение на автоматизированном производстве — т.е. сложностью роботов и эффективностью системы автоматов; во-вторых, качеством кибернетических устройств, их способностью не только управлять процессом производства, контролировать его, но и перестраивать

²⁰ Чепоров Э. Мировая экономика беременна общественным капиталом. Американский экономист выдвинул идею неизбежных перемен в эпоху роботизации // Литературная газета, 7 февр. 1996.

его гибкие системы в соответствии с изменениями условий производства и реализации, а также способностью совершенствовать сами программы.

И здесь обнаруживается следующее: чем могущественнее агенты автоматизированного и кибернетизированного, роботизированного производства, вовлеченные в созидание общественного богатства, чем большая часть контроля и управления подобным производством обслуживается не человеком, а кибернетическими машинами, неуклонно сокращая время насыщения рынка и общества данным видом товара, продукции, тем более сложным и *дорогим* оказываются используемые орудия и средства *производства* (средства *труда*, управленческие и контролирующие механизмы, обеспечивающие то, что продукция «льется все более полным потоком»). Но вместе с усложнением и резким *удорожанием* каждой новой коренной модернизации, обновления основного капитала подобного наукоемкого производства требуется все более длительное функционирование такого производственного комплекса и чтобы «окупить капиталовложения», и чтобы иметь нужную прибыль.

Но эта закономерно возросшая необходимая длительность функционирования каждого нового производственного комплекса для того, чтобы «невидимая рука» могла обеспечить воспроизводственный цикл — окупить расходы и создать прибыль, упирается во все более короткое время, требующееся для того, чтобы автоматизированное и роботизированное производство полностью насытило рынок своей продукцией и началось ее перепроизводство. Это — ключевое противоречие, неразрешимое при сохранении рыночной экономики и регулирующей ее «невидимой руки» рынка. Обостряясь с каждым новым шагом внедрения *науки* в производство, оно воздействует на все стороны жизни. В результате с каждым рывком научно-технической революции ситуация все более настойчиво и неотвратимо требует, считает И. Ставинский, замены частного капитала общественным, а рыночного управления — государственно-плановым. По ходу изложения этого понимания нарастающего

склероза рыночной экономики, ее заката, автор описывает ход им вымышленного совета предпринимателей, собравшихся в условиях, когда кризис перепроизводства стал перманентным. На совете выступает предприниматель, в уста которого И. Ставинский вложил свою концепцию. Вот ее суть: «Благодаря роботизации, — говорит он, — мы, капиталисты, стали богаче, а условия жизни других слоев общества значительно улучшились: сократился рабочий день, стало больше социальных благ. Но это не избавило нас от кризисов. Тысячу раз было доказано, что если перепроизводство товаров наступает раньше чем через год, то наша прибыль не в состоянии окупить капитал, вложенный в модернизацию. Вот почему нам следует пойти на поистине исторические решения»²¹. Их суть — в замене частного капитала обобществленным. Зачем? Чтобы «приостановить производство тех видов предметов потребления, которыми рынок уже насыщен. Но ясно, что ни один капиталист не захочет получать прибыль, скажем, раз в три года, не говоря уже о тех, кто вложил деньги в производство средств производства — им пришлось бы ждать еще дольше. Решение проблемы я вижу в том, чтобы разделить ежегодную прибыль между всеми владельцами капиталов, независимо от того, функционируют они в этом году или нет. Капиталисты получают прибыль согласно размерам их капиталов»²². А это и есть обобществление капиталов.

Так бьет час рыночной экономики, она закономерно сходит со сцены. Когда в этих условиях отечественные либералы, кивая на удачу западной рыночной экономики, спешат смоделировать ее в нашей стране, возникает вопрос: имеет ли смысл копировать ту рыночную модель, прототип которой умирает? Еще более нелепо принимать ее агонию за всплеск бодрости!

Рыночный социализм как средство возвращения на путь прогресса. Однако есть рынок и рынок. Сегодня очевидно, что Китай и Вьетнам, преодолевая *историческое забегание*, сумели с помощью рынка возвратиться на путь прогресса. Но они вос-

²¹ Там же.

²² Там же.

становили не капиталистический рынок, а добиваются быстрого прогресса, реализуя принципы рыночного социализма²³.

* * *

Человечество подходит к рубежу смены тысячелетий. Уходящее XX столетие, полное кровавых войн и революционных потрясений, принесло современникам немало иллюзорных надежд и горьких разочарований. Стремительный взлет машинного производства, подкрепленный впечатляющими успехами научно-технической революции, убедил многих, что общество постепенно, но неуклонно приближается к коренному перелому — к смене *труда разумом* на главной арене жизнедеятельности — в созидании общественных богатств, т.е. в самой основе общественного прогресса.

Первые проблески еще только занимавшейся зари, отразившиеся в «красных глазах» миллионов обездоленных и взвинченных завистью масс, породили и распространили иллюзорную веру в то, что час настал, что рыночная экономика, а вместе с ней и капиталистическое общество «скудости и антагонизмов» уже исчерпали свой лимит в истории и могут быть заменены обществом без антагонизмов, хотя и без богатства. Насколько велика была вера в близость этого «светлого будущего» и насколько сильно было желание масс осуществить эту мечту, свидетельствуют перемены, происшедшие после Октября 1917 г., охватившие более трети человечества. Результатом претворения в жизнь этой иллюзорной веры, овладевшей миллионами, стал созданный в XX в. «мировой социализм» — преждевременное порождение человеческой истории, стремившееся осчастливить человечество, когда для этого еще не было необходимых условий, ибо рыночная экономика еще не изжила себя: наука еще только становилась непосредственной производительной силой. Теперь ясно: у человечества впереди были не десятилетия, а столетие развития на фундаменте рыночной эко-

²³ См.: Бутенко А. Рыночная экономика и рыночный социализм в свете опыта СССР, России и Китая. ИМЭПИ РАН, М., 1996.

номики — ведь даже в самых развитых странах посредством *разума, науки* как непосредственной производительной силы создавались лишь сотые доли внутреннего валового продукта, а значит, до коренного перелома было еще далеко. Поэтому неизбежно пришло время, когда все должно стать на свои места: старый мир, основанный на скудости и антагонизмах еще не исчерпал себя, а рано появившийся новорожденный не смог справиться со своими слабостями и потому заставил поверивших в него возвратиться. Куда?

«Возвращенцы» не сошлись в оценках и раскололись. Те, кто боялся прогресса, кто из-за постигшей неудачи утратили веру в лучшее будущее людей труда, стали звать *назад* — к рынку и капитализму, видя в этом отживающем, но еще не отжившем строе постоянный ориентир для своего выбора. Другие, те, кто не утратил веру в лучшее будущее трудящегося большинства, отвергнув мысль, будто это большинство обречено всегда быть угнетаемым и эксплуатируемым, не согласились с тем, что нужно отказаться от прогресса, верить в «конец истории» — вечность капитализма²⁴. Они согласились возвратиться не в уже отвергнутый капитализм, а только лишь в еще не изжитую рыночную экономику.

Как теперь очевидно, гражданам Советского Союза, да и других стран пришлось дорого заплатить за неудачный опыт (1917-1985 гг.) преждевременного отказа от рыночной экономики, а в 1985-1997 гг. за бездарность тех, кто не понял смысла необходимого возвращения. Ведь совершенно ясно, что главная беда наша состояла в исторически слабом развитии индивидуального потребления, в его нерыночном регулировании. Восстанавливая рыночную экономику, это следовало делать именно посредством расширения индивидуального потребления большинства граждан, спрос которых — ключевая часть внутреннего рынка. Ельцинско-гайдаровская команда реформаторов не поняла этого! А еще Гете говорил: «Нет ничего страшнее деятельно-

²⁴ Статья Ф. Фукуямы широко комментировалась в печати.

го невежества». Реформаторы не только не выправили положения, но своей монетаристской политикой, в основе которой лежала теория перехода, опирающаяся на сокращение реального заработка, за четыре года (1992-1996) нанесла по индивидуальному потреблению удар, сопоставимый с десятилетиями сталинизма. Успешное восстановление рыночной экономики было загублено. По справедливому суждению американских профессоров А. Амсдена и Л. Тэйлора, это вызвало «резкое и непрекращающееся падение экономической активности, которое невозможно списать на окончательный коллапс командной экономики»²⁵. А надо было двигаться в прямо противоположном направлении: как раз в этом пункте нужен был поиск принципиально иного решения — для такой перестройки экономики, чтобы стимулировать не снижение, а рост индивидуального потребления миллионов в тесной увязке с повышением стимулов к *труду*. Таким путем пошли Китай и Вьетнам, здесь объяснение их успехов. В Восточной Европе и России все было принципиально иначе. «Ирония состоит в том, — пишут американские профессора, — что, несмотря на все разговоры о создании рыночной экономики, сокращение реальных доходов препятствовало формированию эффективных рынков»²⁶.

В наше время во многих «посткоммунистических странах», как и в России, у власти стоят либералы, жаждущие капитализации, связавшие с ней свою власть и свое благополучие. Поэтому здесь отвергают реформы в духе позитивного опыта Китая и Вьетнама. Очевидно, что для экономического оздоровления России, как и других стран, необходим политический поворот и новый экономический курс: как считают американские профессора, России предстоит поменять невежественных руководителей, копировальщиков чужих схем, на здравый смысл. Нужно отбросить, преодолевая отрицательные последствия, пагубный

²⁵ Амсден А., Тэйлор Л. Рынок встретил достойного противника: реалии экономического перехода на Востоке Европы // Экономическая газета. 1995. № 35-38 (54). С.2.

²⁶ Там же. С. 1.

курс принудительной капитализации в духе XVIII в., отказаться от неприемлемой для народа вестернизации. А дальше?

Необходимо утверждение социально ориентированной смешанной рыночной экономики, регулируемой государством и опирающейся, в первую очередь на возрастающий спрос не растущей кучки миллионеров, а на все расширяющееся потребление миллионов — этот решающий сектор рынка. Только на этом пути можно оживить и возродить национальное хозяйство, ибо мы живем в эпоху, когда все более производительный и адекватно стимулируемый *труд* в его непосредственной форме все еще остается и долго еще будет главным источником общественного богатства — фундаментом прогресса.